

БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ МОРАЛЬНОЕ УЛУЧШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

© 2018

DOI: 10.31857/S023620070002342-3

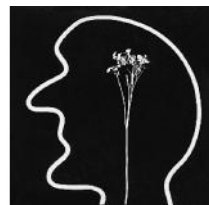
Р.Р. Беялетдинов

Идея биотехнологического морального улучшения человека возникла относительно недавно¹ в контексте социогуманитарного и философского анализа развития нейротехнологий. Между тем ее появление было ожидаемо. Нейробиологические основания морали — достаточно известный факт физиологии человека: просоциальное поведение, равно как и привязанность матери к ребенку, обусловлены влиянием пептидного гормона окситоцина. Обращение к биотехнологиям для разработки нейростимуляторов просоциального поведения — предсказуемая попытка продумать возможные исследовательские направления развития нейротехнологий в будущем.

Ключевым содержанием дискуссии о моральном улучшении человека стала конфронтация этой идеи с философскими представлениями о том, как должна реализовываться свобода человека в век экспансии технонауки.

Предпосылкой к обсуждению биотехнологического морального улучшения является попытка увидеть в биотехнологиях ключ к решению комплексных проблем, встающих перед человеком в результате развития науки. Необходимость подавления агрессии и импульсивности становится особенно актуальной задачей в мире, где террористические атаки являются обыденными фактами повседневной жизни. Экологические проблемы также требуют согласованных усилий многих сотен тысяч людей. Это побуждает искать радикальные способы управления поведением человека.

Сведение социальных проблем к биотехнологическим решениям — довольно распространенная тенденция. Ее можно наблюдать на примере развития генетики. Так, Э. Липпман [10] описывала генетизацию общества как переход от борьбы с социальными предпосылками заболеваний к генетическим решениям, опирающимся на понимание биотехнологического процесса болезни. Моральное улучшение человека является способом биотехнологического решения антропоцентрических по своему происхождению проблем, связанных с загрязнением ок-

**ПЕРСПЕКТИВЫ
ГУМАНИЗМА**

**Беялетдинов
Роман**

Рифатович — кандидат философских наук, младший научный сотрудник Института философии РАН. Постоянный автор журнала. Электронная почта: roman_rb@mail.ru

¹ Она обсуждалась на целом ряде конференций: "Enhancement: Cognitive, Moral and Mood" (14–16 мая, 2013, Белград), "Enhancing Understanding of Enhancement" (27–28 октября, 2015, Белград).

ружающей среды и ростом преступности, в обход созданным культурой и обществом системам воспитания и образования человека. Аппелляция к управлению поведением, обещающая более быстрый успех, чем тот, который можно получить с помощью образования, также рассматривается как форма обоснования морального улучшения.

Вторжение технотехники в сферу морального суждения сформировало острую философскую дискуссию о биотехнологическом будущем субъекта, чья автономия либо должна быть некоторым образом подавлена (с помощью моральных регулятивов улучшения), либо усилена (в результате когнитивного улучшения).

С точки зрения сторонников морального улучшения достижения нейронауки и генетики способны предложить биотехнологические инструменты для искусственного программирования и стимулирования нравственных поступков. Например, можно использовать такие биомедицинские факты, как способность нейромедиатора серотонина подавлять агрессию, а окситоцина — поддерживать различные формы просоциального поведения [7, р. 667]. Расширение не только знаний, но и биотехнологических решений, которые способствовали бы мотивации человека действовать морально в ситуациях, где ему свойственно пренебрегать интересами другого человека, прибегать к эксплуатации, насилию и т.п., может стать гарантией развития функциональных биотехнологических форм улучшения человека. Сами авторы идеи исходят из того, что механизм морального регулирования поведения существует естественным образом и его нужно лишь детально исследовать и улучшить. Т. Дуглас так формулирует идею морального биотехнологического улучшения: “Личность морально улучшается, если меняется таким образом, что это предполагает наличие в будущем более выраженных мотивов, взятых в их совокупности, чем те, которыми эта личность обладала до того, как улучшилась” [4, р. 229]. Усиление моральных мотивов, таких как сострадание, чувство вины, позволяет представить моральное улучшение как просоциальное явление.

Между тем моральное улучшение остается достаточно критикуемой концепцией. Использование биотехнологий для автоматической, неосознанной реализации моральных принципов в повседневном поведении приведет к возникновению такого общества, где ценность морального выбора будет заменена ценностью морального улучшения, а многообразие интеллектуальных мотиваций, обосновывающих моральный выбор, будет сведено к биомедицинской процедуре.

Моральная машина или человек?

Моральное улучшение человека как биомедицинская концепция социально интегрировано, и ее развитие возможно только в качестве технотехнического проекта. Подобного рода технологии

поддерживаются сообществами [8, р. 142], которые могут противопоставлять себя людям, не разделяющим интереса к новым технологиям. Не исключено, что благодаря публичным дискуссиям все более широкие социальные группы станут разделять интерес к новой технологии и поддерживать ее развитие. Ведь технологии являются источниками благ, дающих преимущество одним обществам над другими. Если в стране “А” есть дорогостоящая биотехнология, повышающая когнитивные способности людей, а в стране “Б” такой нет, то через некоторое время страна “А” займет более высокое положение в науке, технике и развитии, чем страна “Б”. Технологический детерминизм не только выступает фактором, исходящим от научного сообщества, но он инкорпорируется в общество, формирующее запрос на технологии.

В случае морального улучшения технологизированное вмешательство в социальные процессы воспринимаются не столь однозначно. Большинство технологий изменяет генетические, физические, когнитивные возможности человека. Они могут менять социальные уклады, но специально не нацелены на то, чтобы модифицировать свободу суждения человека, его способность принимать те или иные решения.

А. Бьюкенен [3], рассматривая проблему морального улучшения человека, проблематизирует единство морального статуса улучшенных и обычных людей и обращает внимание на то, что просоциальное моральное улучшение приведет к сохранению единого морального статуса всех людей (номинальные права человека), но с потерей фактического правового равенства между улучшенными и обычными контрагентами. Он вводит идею “пограничного” концепта, согласно которому не может быть переходных фаз от обычного человека к морально улучшенному. Моральное улучшение подразумевает непреодолимое разделение на улучшенных и неулучшенных людей. Эмоциональное единство, гарантирующее взаимопонимание людей, основано на способности человека испытывать чувства и понимать других людей.

Дж. Харрис определяет единый эмоциональный опыт враждебных друг к другу людей через “синдром Шейлока”, приводя сцену из “Венецианского купца” У. Шекспира [6, р. 6]: “Когда нас колют, разве из нас не течет кровь? Когда нас щекочат, разве мы не смеемся? Когда нас отравляют, разве мы не умираем? А когда нас оскорбляют, разве мы не должны мстить? Если мы во всем похожи на вас, то мы хотим походить и в этом. Если еврей оскорбит христианина, что внушает тому его христианское смирение? Месты! А если христианин оскорбит еврея, каково должно быть его терпение по христианскому примеру? Тоже места!” [1].

Общность морального опыта основывается на естественной эмоциональной реакции — гневе или радости, раздражении или восхищении. Биотехнологическое воздействие на эмоциональные основы суждений создаст совершенно новое сообщество, куда будут входить люди, улучшенные так, чтобы чувства, подобные агрессии и мести, у них были подавлены. Это сообщество,

с точки зрения Бьюкенена, не будет способно взаимодействовать на равных с обычными, морально неулучшенными людьми.

Моральное улучшение должно нивелировать негативные качества человеческой природы: нетерпимость, нетолерантность, агрессию. Именно это обстоятельство вызывает у некоторых авторов тревогу. Негативные, отрицательные проявления человеческого характера имеют не только деструктивный потенциал, но и позитивное содержание, поскольку служат образцами неприемлемого образа жизни. Люди, обладающие моральными дефектами, способны совершать поступки во благо общества только благодаря своим моральным недостаткам [9, р. 375].

Ценность негативного морального опыта тесно связана со свободой выбора. “Право на падение” — один из критериев свободы [5, р. 15]. В конкретной ситуации перед человеком открыты разные возможности, и его личность определяется не только нахождением оптимального решения. В ней отражаются персональные особенности человека, признание тех или иных культурных, религиозных, технократических или, напротив, экологических ценностей, его эмоции, уклад жизни и даже настроение. Разнообразие ценностей может порождать конфликты между людьми и сообществами. Тем не менее, если предположить, что существует некоторая базовая универсальная шкала ценностей, как, например, неприкосновенность собственности, святость человеческой жизни, недопустимость принудительного изъятия органов из тела человека, можно представить моральное улучшение как универсальный технократический проект.

Обсуждая проблему морального улучшения, Дж. Савулеску проводит мысленный эксперимент, в котором допускает существование “божественной машины” [ibidem] — суперкомпьютера, способного обрабатывать всю информацию, существующую в мире, и считывать мысли людей. Суперкомпьютер может вмешиваться в сознание человека в том случае, если он замышляет что-то преступное, и изменять его мысли так, что человек этого не заметит. Подобный суперкомпьютер дает технократическое решение проблемы насилия, несправедливости, поскольку он уничтожает любые преступные замыслы еще до того, как они будут осознаны. Обсуждая этот эксперимент, Дж. Харрис отмечает, что в случае существования такого компьютера человек лишается самой возможности осознать свое желание совершить преступление. Подключенный к нему человек никогда не сможет от него отключиться, поскольку не в состоянии будет осознать, как суперкомпьютер противостоит его воле, стирая все персональные негативные желания и намерения.

Савулеску интерпретирует волю человека как ограниченную ценность, поскольку люди в разной степени предрасположены к насилию, нетолерантности, интеллекту. На решение судьбы при вынесении приговора может влиять качество обеда, крошки на рабочем столе или ясная погода. “Божественная машина”, равно как и моральное улучшение, — уравнивание персональных соци-

альных, интеллектуальных и генетических предпосылок с помощью биотехнологий. Она приносит справедливость, которую часто не удастся достигнуть через образование, воспитание, культуру, правовые нормы и естественные обычаи.

Р. Беляетдинов
Биотехнологиче-
ское моральное
улучшение
человека

Технонаука в обществе и общество в технонауке

Подмена социокультурных регуляций решениями на основе биотехнологий все чаще рассматривается как привлекательная стратегия развития здравоохранения, биомедицины и общества.

Меняются и традиционные модусы легитимизации науки. Научная экспертиза получает конкурентов в медиасреде: она смешивается с гибридными, значительно менее формальными методами оценки технологий [8, р. 141]. Это проявляется в возрастании значения публичных обсуждений, когда инновация одобряется ее потенциальными сторонниками. Нередко это может происходить на площадке, поддерживаемой частными инвесторами.

Инновационные проекты часто нередко требуют не только интеллектуальной, но и социогуманитарной экспертизы. Ж. Дюпюи считает, что изменение онтологических и метафизических границ в ходе развития нанотехнологий основывается не столько на некоторой единой субстанции, присущей всем вещам, сколько на комплексе объединенных принципов (кибернетически) организованного контроля. Главным и новым для нанотехнологического проекта была идея контроля вещей на уровне нанометра. Поскольку мир рассматривается как хаос, целью технонауки становится навязывание обществу управляемости через среду, сконструированную и контролируруемую с помощью технологий.

Выстраивание конкурентной и параллельной для культуры и образования биотехнологической модели морального контроля в целом характерно для технонауки, которая сегодня предлагает два типа биотехнологического будущего для общества — когнитивное улучшение и моральное улучшение. Моральное улучшение, в отличие от когнитивного, является вызовом не столько свободе воли человека, сколько его автономии. “Автономия личности” — понятие более широкое, чем свобода воли, поскольку подразумевает признание достоинства человека и включает в себя, наряду с сознательными процессами, также и бессознательные состояния, в которых может пребывать человек. Идея нейротехнологической, не опосредованной культурой детерминации поступка, пусть и направленного на благо общества, представляет собой явление, в котором свобода воли в ее классическом понимании — как признанной самодостаточной ценности и абсолютизации личностного выбора, выводится за пределы культурного и социального мира. Использование “big data” и углубление знаний о работе мозга человека позволяют максимально персонализировать, по сути, биотехнологизированные процессы принятия решения.

Должен ли человек отказаться от самой широкой культурной, философской, религиозной и светской среды, оказывающей влияние на принятие решений? Следует ли подменять сложные механизмы культуры, образования и общества биотехнологизированными механизмами формирования просоциального и проэкологического поведения? На эти вопросы не может быть однозначного ответа. Технонаука оказывает значительное влияние на общество, и в определенной степени общество находится в ожидании реализации биотехнологических проектов. И этому обстоятельству способствуют негативные факторы агрессии и деструкции в социуме, на укрощение которых могут быть направлены нейротехнологии.

Однако многие задачи, которые ставятся перед моральным улучшением, на протяжении многих веков довольно успешно решались при помощи образования и культурных традиций. По мнению Б.Г. Юдина [2], биотехнологии надо рассматривать сквозь призму социогуманитарного анализа общества, на основе которого можно прийти к пониманию, как происходит взаимодействие биотехнологий и этических, культурных, институциональных норм и практик. Лишь так можно достичь плодотворного симбиоза технологий и человека. Биотехнологическое замещение хорошо зарекомендовавших себя социогуманитарных механизмов регуляции поведения человека (образования и воспитания) способно вызвать лишь тревогу и озабоченность.

Литература

1. *Шекспир В.* Венецианский купец // *Шекспир В.* Избр. произведения / Пер. И.Б. Мандельштама. М.—Л.: ГИХЛ, 1950.
2. *Юдин Б.Г.* Человек и машина: интимные связи? // Рабочие тетради по биоэтике. Человек — NBIC машина (философско-антропологические и биоэтические исследования). Вып. 18, М.: МосГу, 2014. С. 103–117.
3. *Buchanan A.* Moral Status and Human Enhancement // *Philosophy & Public Affairs*. 2009. Vol. 37. No. 4. P. 346–381.
4. *Douglas T.* Moral bioenhancement, freedom and reasoning // *Journal of Medical Ethics*. 2014/06. Vol. 40. No. 6. P. 359–360.
5. *Harris J., Savulescu J.* A debate about moral enhancement // *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*. 2015. Vol. 24. No. 1. P. 8–22.
6. *Lawrence D.R., Palacios-Gonzalez C., Harris J.* Artificial Intelligence. The Shylock Syndrome // *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*. 2016. Vol. 25. P. 250–261.
7. *Persson I., Savulescu J.* Moral Transhumanism // *Journal of Medicine and Philosophy*. No. 35. 2010. P. 660.
8. *Rommelteit K., Wynne B.* Technoscience, imagined publics and public imaginations // *Public Understanding of Science*. 2017. Vol. 26. No. 2. P. 133–147.
9. *Wasserman D.* When bad people do good things: will moral enhancement make the world a better place? // *Journal of Medical Ethics*. 2014/06. Vol. 40. No. 6. P. 374–375.
10. *Weiner K. et al.* Have we seen the geneticisation of society? Expectations and evidence // *Sociology of health & illness*. 2017. Vol. 39. No. 7. P. 989–1004.